

ЭКОНОМИКА ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

УДК 330 + 338.1/338.2(051)=161.1=021_(477)

А. Е. ГОРОДЕЦКИЙ,
*профессор, доктор экономических наук,
заслуженный деятель науки Российской Федерации,
заместитель директора Института экономики РАН
(Москва)*

АНТИКРИЗИСНОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ И МОДЕЛИ ПОСТКРИЗИСНОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ*

Исследованы особенности мирового экономического кризиса 2008–2010 гг. в России, рассмотрены его экономическая природа, долгосрочные социально-экономические последствия и эффективность применявшихся антикризисных программ. Сделаны выводы о переходном характере современной экономической эпохи и неизбежности смены модели развития – как глобальной, так и сложившейся за истекшие годы в России. Раскрыты проблемы повышения производительности труда с точки зрения перехода к новой, несырьевой, модели экономического роста. Изложены основные принципы новой национальной экономической политики, отвечающей потребностям модернизации и инновационного развития.

Ключевые слова: турбулентный мир, экономические эпохи, кризис, антикризисные программы, модели развития, государственная экономическая политика, производительность труда, экономический рост, институциональные факторы, посткризисные модели, модернизация, стратегические ориентиры, ценностно-мотивационные предпосылки, управление будущим.

A. E. GORODEZKY,
*Professor, Doctor of Econ. Sci.,
Honored Sci. Worker of the RF,
Deputy Director of Institute of Economics of the RAN
(Moscow)*

CRISIS MANAGEMENT AND THE POST-CRISIS DEVELOPMENT MODEL FOR RUSSIA

Specific features of the world economic crisis in 2008–2010 in the Russian Federation are studied. Its economic nature, long-term socio-economic consequence, and efficiency of the realized anticrisis programs are considered. The conclusion is drawn about the transient character of the modern economic epoch and the inevitability of a change of the global development model and that formed in Russia for the recent years. The problems related to an increase in the labor productivity from the viewpoint of the transition to a new nonprimary model of economic growth are clarified. The basic principles of a new national economic policy corresponding to the needs of modernization and innovative development are presented.

Keywords: turbulent world, economic era, crisis, anticrisis programs, development models, national economic policy, labor productivity, economic growth, institutional factors, post-crisis models, modernization, strategic guidelines, value-motivational prerequisites, management of the future.

IV. Формирование новых экономических моделей как ответ на вызовы XXI в.

Современная глобальная экономика, экономики ведущих стран мира, пост-социалистические экономики стран Центральной и Восточной Европы, бывшего

* Окончание статьи. Начало – в № 4, 2013 г.

СССР сформировались на основе неолиберальной экономической модели на рубеже 1970–1980-х годов, которая стала ответом на вызовы 1960-х годов кейнсианской экономике. На ее основе были реализованы технологическая и структурная революции, революции в управлении, информационная революция, сформировался V технологический уклад. Был дан мощный толчок инновационному развитию. Для стран с переходной экономикой были сформированы экономические модели на базе так называемого “Вашингтонского консенсуса”, предусматривавшие программы реформ на принципах либерализации экономики, приватизации собственности, сокращения до минимума экономической роли государства, доминирования в государственной экономической политике монетаристских методов косвенного макроэкономического регулирования.

Сегодня, по истечении более чем 30 лет, мир столкнулся с новыми вызовами. В результате глобализации он стал более взаимосвязан и однороден, в нем доминирует одна глобальная держава с ее союзниками по цивилизационному и экономическому лидерству. Однако “конец истории”, по Ф. Фукуяме, все-таки не наступил. В экономическом устройстве имели место серьезные изменения: инновационную экономику постепенно вытеснила модель финансовой экономики, с упором на финансовые рынки, а не на инновации как главный фактор повышения конкурентоспособности и прибыли. Происходит перераспределение силы и влияния в глобальном экономическом сообществе, формируются новые полюса ускоренного экономического роста – страны БРИКС. Традиционные механизмы регулирования и саморегулирования все чаще дают сбой, что и подтвердили глобальный экономический кризис 2008–2009 гг., угроза его второй волны в связи с ослаблением доллара как основы международной валютной системы, нестабильностью американских финансовых рынков, долговыми проблемами в США и странах ЕС.

Неясны сами перспективы дальнейшего развития кризиса. Первая его волна была сбита массивными финансовыми вливаниями, активной государственной антикризисной политикой практически во всех странах мира. Сегодня ЕС предпринимает определенные меры (реформы) по противодействию кризису, в частности, образован Европейский фонд финансовой стабилизации, в функции которого входит финансовая поддержка стран, испытывающих экономические трудности. Однако, как показывает опыт Греции, Италии, Испании и Португалии, эти механизмы перестают срабатывать.

Есть не только предостережение, но и научный прогноз грядущих глобальных изменений в современном экономическом устройстве, смены экономических моделей развития, возвращения на новых витках диалектической спирали в общечеловеческих смыслах и понятиях, ценностей и норм, а также институтов. Уже сегодня можно очертить некоторые ее наиболее значимые элементы. Что стало ясно в результате этого кризиса?

Первое – возвращение циклов. Отсутствие в последние 10–15 лет каких-либо серьезных потрясений и кризисов в странах – лидерах мировой экономики позволило многим всемирно известным экономистам сделать вывод о том, что циклический характер развития преодолен. Как полагало большинство, рынок в порядке самокоррекций обеспечивает динамизм развития, сложные эконометрические модели на основе теоретического “мейнстрима” дают возможность предвидеть и просчитывать риски, а финансовые инструменты (пресловутые финансовые инновации типа деривативов и пр.) позволяют так диверсифицировать и распределять риски по финансовой системе, что это укрепляет устойчивость и безопасность экономики в целом. Но циклы возвращаются. Мы мало можем сказать об их периодичности, границы циклов во

многим были сглажены и факторами регулирования, и колоссальным расширением рынков в связи с геополитическими и геоэкономическими изменениями в мире. Но теперь мы точно знаем, что циклы никуда не делись, хотя их хронология изменилась. И мы должны быть готовы к тому, что антициклическое регулирование, применявшееся в 1950–1980-е годы, опять нуждается в актуализации. Очевидно и то, что должны быть выработаны новые механизмы этого антициклического регулирования.

Второе — переосмысление роли и места крупных и крупнейших организационно-экономических и организационно-правовых форм в современной экономике, корпоративного капитала, в том числе ТНК. Указания на то, что компьютерная эра приведет к повышению эффективности малых форм, что малый и средний бизнес выйдет на первые роли, с точки зрения факторов экономического роста, динамики структуры мировой экономики в целом не подтвердились. На самом деле везде продолжается волна слияний и поглощений, изменяется качественный состав лидеров гонки глобальной конкуренции, но именно крупные и крупнейшие корпорации остаются локомотивами национальных экономик. И эта тенденция прослеживается во всех странах и регионах мира. По совершенно рациональным основаниям выстраивается и антимонопольная политика, которая ориентируется не столько на масштабы корпораций и доли занимаемых ими рынков, сколько на конкретные проявления монопольного (антиконкурентного) поведения, факты нарушения антимонопольного законодательства.

Третье — реабилитация роли реального сектора экономики, материальной экономики вообще. Происходит девальвация самого понятия постиндустриализма. Есть некая ирония в том, что о постиндустриализме более чем уместно говорить применительно к постсоциалистическим странам, которые начали свои реформы с разрушения национальной промышленности, примитивизации структуры экономики. И в этом смысле промышленность, освобождая место некоему постиндустриальному обществу, уходит не как некий отживший исторический экономический феномен. Ее временные и пространственные перемещения есть следствие резко усилившейся глобальной конкуренции, диктующей свои правила и национальной конкуренции. Вот в этом смысле мы можем говорить о постиндустриализме. Для некоторых стран и территорий, которые не в силах сохранить свои национальные сегменты современной промышленности, — да; но не для государств — лидеров глобальной экономики, не для транснациональных капиталов и корпораций, ищущих наиболее прибыльные условия для развертывания различных производств.

Кроме того, сокращаются зоны экспорта производительного капитала, где еще вчера низкая цена рабочей силы и слабая социальная защищенность наемных работников обеспечивали ТНК сверхприбылями. Кризис расставляет все точки над “i”, и одной из актуальных тем политико-экономической повестки дня становятся репатриация промышленных производств, создание новых рабочих мест в экономически развитых странах по обе стороны Атлантики.

Четвертое — возвращение государства в экономику, его конструктивная роль в экономическом регулировании, появление ряда новых функций с точки зрения обеспечения международной экономической безопасности, сопровождения национальных экономических интересов, поддержки новых и новейших инновационных направлений, долгосрочного развития социальной инфраструктуры общества. Но очевидно и другое. К сожалению, не везде и не во всех странах, и пока что не в России, позиции *рыночного фундаментализма*, которые в течение последних 30 лет подвергались тотальной критике, терпят поражение. Ситуация складывается таким образом, что влияние этой школы мышления уходит с очень и очень большим скрипом.

Сегодня, когда императивы глобального регулирования настолько очевидны, требуются специальные наднациональные регуляторы, международные институты и механизмы выработки, согласования и принятия экономико-политических решений, затрагивающих всех, всю систему глобальной экономической политики. Они не снимают важность *национальных систем государственного экономического регулирования*, но позволяют привести в систему, консолидировать реакцию **основных акторов глобальной экономики**, по крайней мере, перед лицом глобального кризиса. Поэтому в данной ситуации возвращение названных четырех глобальных тенденций очень симптоматично именно с точки зрения формирования новой модели российской экономики, в первую очередь ввиду ее всесторонней интеграции в мировую экономику. Степень этой интеграции будет только возрастать, особенно после вступления России в конце 2011 г. в ВТО. В этом же направлении будет происходить дальнейшее углубление региональных интеграционных союзов на пространствах СНГ, в частности реализация проекта Евразийского союза.

“Вашингтонский консенсус” по месту его происхождения умер, но дело его в России пока еще живет. Поэтому, исходя из национальных перспектив России и в интересах модернизационного проекта, в условиях острого дефицита исторического времени для его реализации, следует признать объективные реалии и не откладывать перемены до хорошо известных критических контрапунктов истории. Исчерпание исторического времени не снимает модернизационный проект с повестки дня, но с неумолимостью ставит нас перед угрозой самых жестких мобилизационных вариантов модернизации.

Успех или неуспех модернизационного проекта зависит от предварительного решения ряда общих вопросов.

О выборе стратегических ориентиров. Конечно, важно определиться с тем, какой тип модернизации нам нужен. Это может быть и прорывной вариант, а может — и широкая социально-экономическая модернизация. Но в любом случае она не должна ориентироваться на технологические уклады вчерашнего дня. Мы не имеем права позволить себе “поэтапно догонять” лидеров, одолевая по очереди то, в чем отстали вчера и позавчера. Это и есть *безнадежное дело “догоняющей модернизации”*.

В этом смысле очень убедителен пример модернизации в период довоенных пятилеток, когда она ориентировалась на последние достижения III технологического уклада, и именно это создало основу экономического могущества страны, которое, несмотря на неудачи первых лет войны, не закончилось для нее столь же трагически, как для Европы, в полной мере познавшей классику германского “блицкрига”. Созданный научный и технологический потенциалы, в кратчайшие сроки отмобилизованная военная экономика, быстро наладившая выпуск новейших вооружений за Уралом, позволили в течение 5 лет, практически в одиночку, вести и выиграть тяжелейшую в истории человечества и страны войну.

По нашему мнению, академик С.Ю. Глазьев не вполне прав, когда говорит о том, что отрасли и предприятия прошлых укладов можно не развивать [16; 17; 18; 19]. Реалии России демонстрируют, как разрушение многих отраслей и предприятий обрабатывающего сектора экономики сломало систему сложных организационных и кооперационных связей в промышленности, привело к утрате технологической культуры, кадров, к депрофессионализации и деградации рабочего класса. Именно здесь кроются причины системных недостатков и катастрофических неудач в ракетно-космической области, оборонно-промышленном комплексе, включая международную торговлю оружием, гражданской авиации, а также регулярных техногенных катастроф, в частности в электроэнергетике, утраты конкурентоспособности продо-

вольственного комплекса и роста напряженности вызовов и угроз продовольственной безопасности даже с учетом того, что, как это ни парадоксально, Россия остается одним из лидеров мировой торговли зерном.

Очень важен вопрос о соответствии масштабов целей и задач модернизации, с одной стороны, и их ресурсного обеспечения — с другой. Нам вообще следует уходить от идеологии расходов и трат, как это понимают бухгалтера и счетоводы. Модернизации нужны новые поколения политиков, финансистов, финансовых менеджеров, которые понимают, что мы не “тратим и растрачиваем” деньги бюджета, а *вкладываем и инвестируем*.

Где взять деньги? Деньги есть! Приведем некоторые оценки академика А.Г. Аганбегяна. На 2010 г. мы имели 510 млрд. дол. золотовалютных резервов, из которых на модернизацию вполне можно было направить в форме инвестиционных кредитов 350 млрд. дол. Вторым источником должны были бы стать средства, перераспределенные из нефтегазового сектора в перерабатывающие отрасли, и прежде всего — в машиностроение. Такую задачу может решить только государственный бюджет, используя механизм реализации заинтересованности общества в стабильном социально-экономическом развитии. Стержнем финансовой политики страны в годы экономического роста (2000—2008) была установка на изъятие дополнительных финансовых ресурсов из обращения, в результате чего в 2008 г., накануне кризиса, в стабилизационном фонде удалось накопить огромные средства — 3851,8 млрд. руб. По данным Министерства финансов РФ, по состоянию на 1 марта 2013 г. совокупный объем Резервного фонда России составил 2 трлн. 592,89 млрд. руб., Фонда национального благосостояния — 2 трлн. 682,58 млрд. руб.

С одной стороны, такой подход позволил отчасти предотвратить крах банковской системы и фондового рынка в период кризиса, но, с другой, обрек страну на сохранение топливно-сырьевой структуры производства и усугубил техническую отсталость экономики в целом.

В связи с этим нужна новая модель бюджетного распределения нефтегазовых доходов, которая будет основываться на законодательном установлении нормы распределения дополнительных доходов Федерального бюджета на цели накопления государственных резервов и новой индустриализации страны. По предварительным оценкам, данная норма при превышении цены в 85 дол. за 1 баррель нефти должна выглядеть следующим образом: 40% дополнительных доходов идут в резервы и 60% — на новую индустриализацию. Вероятность того, что цены на энергоносители будут и дальше расти, подтверждается прогнозными оценками авторитетных зарубежных и отечественных специалистов. Другая версия недавно озвучена Президентом РФ В.В. Путиным и сводится к тому, чтобы доля нефтегазовых доходов, накопленная сверх 7-процентной квоты Резервных фондов в ВВП, направлялась на инвестиционные нужды экономики.

Необходимо повысить и долю инвестиций в консолидированном бюджете; сегодня она самая низкая в мире и составляет около 20%, при незначительных колебаниях по годам в ту или иную сторону. При норме 20% ни одной стране не удавалось только за счет внутренних факторов продемонстрировать рост в среднем более чем на 3% в год. В советское время данная норма достигала 40%. Мы могли бы перейти к норме инвестиций хотя бы в 30—35%, тогда можно было бы ожидать 5—6-процентный рост.

Также имеются возможности внесения существенных целевых корректив в долговую политику государства, банковское законодательство (в части инвестиционного кредитования). Все это поможет мобилизовать не менее 250 млрд. дол., но для

этого должна заработать, по сути, новая модель финансовой системы и макроэкономической политики.

Логика и опыт подсказывают, что только такой инвестиционно активный подход позволит России реализоваться как развивающему государству, государству – инициатору и направителю модернизации. При прочих равных условиях, отдавая должное частной инициативе и бизнесу, все же признаем, что другой сопоставимый по возможностям субъект модернизации пока не просматривается. Иное дело, что государство может и должно реализовать широкий политический и гражданский стратегический альянс власти, общества, бизнеса, граждан – для солидарной деятельности по решению задач модернизации. Именно такой подход – от исторических возможностей, от возможностей общества понять и принять модернизационные инициативы власти, участвовать на основе консенсуса – очень важен, когда мы говорим о перспективах модернизации.

В этом смысле неожиданной может показаться оценка с социальных позиций исторического наследия нашего великого реформатора П.А. Столыпина. Его реформы были необходимы стране, и он многое сделал для их осуществления. Однако в итоге они не устроили никого. Конечно, его смерть негативно сказалась на деле его жизни. Но реформы погубили не только роковые выстрелы террориста Богрова, а и отсутствие консенсуса между основными классами и группами в обществе по поводу реформ, всеобщее социальное и политическое недовольство ими. Не в последнюю очередь в силу этого от великих реформ до великой революции оказался, по историческим меркам, всего один шаг. И об этом надо помнить, когда мы затеваем очередную модернизацию.

Отсюда, значимость темы о **субъектах, движущих силах и ценностно-мотивационных предпосылках модернизации**. Мы совершенно согласны с тем, что когда забываем о движущих силах модернизации, интересах, уповаем только на пресловутую “политическую волю”, “принуждение к прогрессу”, то даже если пригласить лучших специалистов, постоянно плодить научные концепции, на выходе опять будем иметь очередной образец литературного творчества, интересного лишь для узкого круга авторов-единомышленников документа и, возможно, для историков экономической мысли. Вообще, принять и разделить тяготы и издержки модернизации общество может только тогда, когда между ним и властью есть **доверие, взаимопонимание и согласие по поводу целей и средств модернизации**.

И еще о социальных сторонах модернизации. Конечно, она всегда несет с собой неизбежные риски и потери, социальные тяготы. Но надо иметь в виду и следующее. Нищета и простое воспроизводство, нищета и расширенное воспроизводство, определенное экономическое развитие и контрасты социального неравенства в некоторых границах совместимы. Но представить себе сочетание нищеты и инноваций, модернизацию при одновременном фронтальном наступлении на социальные и человеческие права граждан, выстраивание новых инновационных институтов при деградации социальной и социокультурной инфраструктуры общества сегодня невозможно. Даже известные *мобилизационные модели модернизации* с необходимостью требовали системных решений в области развития социальной инфраструктуры, создания системы социальных прав и гарантий граждан.

Поэтому, если мы и дальше в своем социальном умонастроении продолжим ориентироваться на известные опыты радикального нелиберального реформирования, то о модернизации, инновационном развитии, экономике, основанной на знаниях, придется забыть. Не может человек, который вынужден работать для заработка на пяти работах, думать об инновациях или каких-либо еще высоких материях типа “образование в течение всей жизни”, культурном досуге, творчестве и т. д.

Для человека креативного, для “класса развития”, подлинного интеллектуального класса (а не пресловутого “среднего” — по уровню доходов и потребления) нужна совершенно иная среда. Поэтому, конечно, есть особые социальные аспекты модернизации, которые требуют устранения остаточных деформаций социального наследия 1990-х годов, корректировки курса в области науки, образования, здравоохранения, культуры, которые в 2000-е годы превратили общее (общенациональное) дело *Культуры* в поприще лишь для узкого круга элиты, а в области науки и образования привели к возникновению своеобразных научно-образовательных “газпромов” и “роснефтей”, обеспечивающих воспроизводство этой элиты, но не способных выполнять те социальные функции, которые эти институты несли в себе как публичные институты производства и распространения знаний; воспитания и становления личности; социальных лифтов и источника формирования “класса развития”.

И последнее, самое, быть может, важное. Сегодня лидеры мирового экономического развития, и прежде всего США, все силы и ресурсы государства и нации концентрируют на **управлении будущим, целенаправленном и планомерном создании научных, научно-технических, инновационных и технологических заделах в рамках VI и даже следующего VII технологических укладов.** Об этом неустанно говорит в большинстве своих прогнозно-экономических работ известный российский математик Г.Г. Малинецкий [20; 21; 22; 23]. И здесь лидирует государство, отдавая странам “второго эшелона” прогресса и коммерческому сектору освоение ближнего космоса, значительную часть IT-экономики, других отраслей предыдущего уклада. Прорывные военные технологии, медицина, биотехнологии и фармацевтика, нанотехнологии, информационно-телекоммуникационные технологии, основанные на новых принципах, революция в материалах — все это поддерживается государством, естественно, в тех специфических формах, которые характерны для американской системы регулирования интеллектуального производства, сотрудничества с бизнесом там, где лежат основополагающие национальные интересы и долгосрочные стратегические ориентиры, направленные не просто на лидерство, но и на экономическое доминирование в будущем мире. Учет этих мировых трендов и императивов развития требует, настоятельно диктует воссоздание в России систем стратегического целеполагания, стратегического планирования и управления, политических, экономических и институциональных механизмов выработки и реализации стратегических приоритетов.

Сегодня мы не можем в деталях описать будущие глобальную и национальные модели экономического устройства и развития, но кое-какие выводы и прогнозы даем. Они сводятся к следующему.

1. В эпоху глобализации прогресс человеческой цивилизации и ее главные ценности — человек, его жизнь и здоровье, достоинство, права и свободы — обуславливают то, что человеческое измерение развития становится главным в системах глобальной экономики на всех ее уровнях, в региональных и национальных подсистемах. Защита прав и свобод человека представляет собой подлинное содержание обеспечения глобальной, региональной, национальной и иных локальных видов и разновидностей безопасности.

2. В системе западной цивилизации это понимание сформировано в новое время и стало основой общества модерна и постмодерна, способствует продуктивному синтезу конкурентной рыночной экономики, развитию гражданского общества, правового государства с широким набором социальных функций и гарантий. Одновременно это является универсальной тенденцией, закономерностью, по которой можно судить о реальном прогрессе модернизирующихся обществ как стран третьего мира, так и постсоциалистических. Это важное методологическое положение, потому что лю-

бые варианты мобилизационного развития с принесением в жертву демократических ценностей, прав и свобод человека, уступками авторитаризму могут дать лишь частичный и ограниченный во времени экономический результат, абсолютно не гарантирующий достижение стратегических целей модернизации, выхода на рубежи информационного общества и экономики, основанной на знаниях. Однако и сегодня, несмотря на исторические уроки и позитивный пример наиболее успешных стран, соблазн и искус авторитаризма, развитие ценой ущемления прав и свобод личности остаются реальной угрозой и непреодолимым препятствием на пути социально-экономического прогресса, формирования свободного, открытого и демократического общества.

3. В России в период рыночной трансформации, по сути, полностью сменилась парадигма развития институтов и механизмов ее обеспечения. В последнее 20-летие тотальная система государственных интересов последовательно преобразовывалась в более или менее современную систему, ориентированную на широкий спектр национальных интересов с акцентом на невоенные методы их защиты и ключевую роль экономической безопасности. Очень важно, что права и интересы личности в данной системе – практически равноценные понятия наряду с интересами государства и общества. Вместе с тем самые насущные права и свободы личности, связанные с ее достоинством, материальными и нематериальными интересами, еще не стали безусловной ценностью, социальным и политическим императивом как для власти, так и для общества, государства, бизнеса, всех слоев общества и элит. Социальная поляризация и раскол общества, резкие социальные контрасты и конфликты интересов постоянно провоцируют соблазны, дополнительные стимулы и аргументы для использования авторитарных методов, сужают границы свободных конкурентно-рыночных отношений. Экономически это толкает к историческим рецидивам мобилизационных моделей “догоняющей модернизации” с ее вечным парадоксом соревнующихся Ахилла и черепахи. Политически это опять выталкивает модернизирующееся общество на “особые пути развития”, в плоскость непонимания и напряженности с внешним миром, обострения отношений с Западом.

4. Западный мир сегодня также во многом живет в координатах устаревшей парадигмы безопасности. Тот разрыв в образе, стиле и уровне жизни, который характерен для стран “золотого миллиарда” и остального мира в условиях глобального информационного общества, доступности любой информации в системе “онлайн” и недоступности для всех равных возможностей “здесь и сейчас”, подрывает основы глобальной безопасности, создает принципиально новые вызовы и угрозы для национальной безопасности богатых стран. Глобальное доминирование США и ЕС, попытки унифицировать мир и навязать ему свои ценности, в том числе путем гуманитарных интервенций, не могут помочь в поиске новой парадигмы развития и безопасности, их гармонизации. Сегодня ни ограничения модели “устойчивого развития”, ни “обезболивающие” глобальные институты благотворительности не решают проблемы мира как несходимых параллельных миров социального Эдема и социального Ада. Нужна новая парадигма – самоограничения полюса богатства и продуктивного развития полюса бедности. Здесь уместно вспомнить и идеи экс-премьер-министра Испании Х.Л.Р. Сапатеро о государстве в эпоху глобализации, гарантирующем безопасность граждан как главное условие свободы; отстаивающем социальную сплоченность как справедливость, беспристрастность, уравновешенность и гармонию в обществе; стимулирующем экономический рост; несущем ответственность за глобальную безопасность, обеспечение законности и международной безопасности. Не менее важны и идеи экс-премьер-министра Франции Ф. Фийона, который определяет докризисный мир как “мир уходящей полной безответственности”;

прогнозирует будущий мировой порядок, в котором будет обеспечена прочная экономическая безопасность на основе ответственной рыночной экономики и модернизированного государства. При этом кризис не только не отменяет назревших реформ, но делает их более необходимыми, чем когда-либо. Эти элементы новой парадигмы развития и безопасности и сегодня имеют свою безусловную методологическую и инструментальную ценность.

Список использованной литературы

16. Глазьев С.Ю. Стратегия опережающего развития России в условиях глобального кризиса. — М. : Экономика, 2010. — 255 с.
17. Глазьев С. Мы ещё можем совершить прорыв // *Однако*. — 2011. — № 03 (67).
18. Глазьев С. Сесть на гребень новой волны роста // *Однако*. — 2011. — № 32 (96).
19. Глазьев С.Ю. Как оседлать волну // *Независимая газета*. — 06 февр. — 2012 [Электронный ресурс]. — Режим доступа : http://www.ng.ru/ideas/2012-02-03/5_wave.html.
20. Малинецкий Г.Г. Проектирование будущего и модернизация России. — Препринты ИПМ им. М.В. Келдыша. — 2010. — № 41. — 32 с. [Электронный ресурс]. — Режим доступа : http://www.keldysh.ru/papers/2010/prep41/prep2010_41.pdf.
21. Капица С.П., Курдюмов С.П., Малинецкий Г.Г. Синергетика и прогнозы будущего. — 3-е изд. — М. : Эдиториал УРСС, 2003. — 288 с.
22. Малинецкий Г. Доклад о перспективах РФ [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <http://www.nanonewsnet.ru/articles/2009/georgii-malinetskii-doklad-o-perspektivakh-rf>.
23. Малинецкий Г. Сложность, нестабильность и судьба России [Электронный ресурс]. — Режим доступа : http://cliodynamics.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=54&Itemid=1.

References

16. Glaz'ev S.Yu. *Strategiya Operezhayushchego Razvitiya Rossii v Usloviyakh Global'nogo Krizisa* [The Strategy of Advancing Development of Russia under Conditions of the Global Crisis]. Moscow, Ekonomika, 2010. 255 p. [in Russian].
17. Glaz'ev S. *My eshche mozhem sovershit' proryv* [We can make else a breakthrough]. *Odnako – However*, 2011, No. 3 (67) [in Russian].
18. Glaz'ev S. *Sest' na greben' novoi volny rosta* [To override the crest of a new growth wave]. *Odnako – However*, 2011, No. 32 (96) [in Russian].
19. Glaz'ev S.Yu. *Kak osedlat' volnu* [How to override a wave]. *Nezavisimaya Gazeta – Independent Newspaper*, Feb. 6, 2012, available at: http://www.ng.ru/ideas/2012-02-03/5_wave.html [in Russian].
20. Malinetskii G.G. *Proektirovanie budushchego i modernizatsiya Rossii* [Design of the Future and a Modernization of Russia]. *Preprint, M.V. Keldysh Institute of Applied Mathematics of the RAS*, 2010, No. 41. 32 p., available at: http://www.keldysh.ru/papers/2010/prep41/prep2010_41.pdf [in Russian].
21. Kapitsa S.P., Kurdyumov S.P., Malinetskii G.G. *Sinergetika i Prognozy Budushchego* [Synergetics and Predictions of the Future]. Moscow, Editorial URSS, 2003. 288 p. [in Russian].
22. Malinetskii G. *Doklad o Perspektivakh RF* [Report on Perspectives of the Russian Federation], available at: <http://www.nanonewsnet.ru/articles/2009/georgii-malinetskii-doklad-o-perspektivakh-rf> [in Russian].
23. Malinetskii G. *Slozhnost', Nestabil'nost' i Sud'ba Rossii* [Complexity, Instability, and Fate of Russia], available at: http://cliodynamics.ruindex.php?option=com_content&task=view&id=54&Itemid=1 [in Russian].

Статья поступила в редакцию 21 января 2013 г.
